

Луга, которую мы потеряли

**И становлюсь чем старше,
Тем больше тянет туда,
Где по дорожкам детства
Мама вела меня.**

**Где мой сынок качаясь,
Первые делал шаги.
Что-то не получается
Жить без этой земли.**

О моем родном и самом любимом городе я написала много.

О моей огромной и нежной любви к нему – тоже. Но вот о многих фактах, которые я узнала из бесчисленных краеведческих статей и книг, когда у меня появилось много свободного времени и безумный интерес к истории моей малой Родины, - о них хочется написать, соединив разрозненные сведения воедино.

Кладбища города

Меня часто летом тянет на Вревское кладбище. Есть там магическое место, где на мысу сливаются реки Луга и Вревка. Оно необыкновенной красоты и энергетики. На самом мысу в 1709 году была возобновлена церковь на месте деревянной, построенной еще в шестнадцатом веке. Что послужило причиной ее строительства в этом месте остается загадкой. Ее

фундамент до сих пор угадывается справа от главной аллеи кладбища, откуда вниз ведут разбитые ступени к реке. Недалеко фамильное захоронение семьи последнего градоначальника Камарзина. Александр Степанович возглавлял городскую думу с 1909 по 1917 год в непростые времена нашего города. Его программа предусматривала постройку новых приходских школ, замена городского освещения на электрическое, дальнейшего благоустройства городских улиц. Был поставлен вопрос о строительстве нового капитального моста в центре Луга взамен деревянного, которое осуществилось только в 1960 году. В 1913 году было учреждено отделение Российского общества покровителей животных под председательством Камарзина. Прогрессивные изменения он внес в культурную и общественную жизнь города, сделав его популярным дачным местом. Берега реки Луги украсились пароходными пристанями и вышками Общества спасения на водах. После революции Камарзин уезжает на родину второй жены – в Луганск, работал там главным бухгалтером в местном банке, там и похоронен был в 1928 году. На Вревском кладбище упокоились: первая жена городничего, его старший брат с женой и жена старшего сына Мария Гавриловна. Та, которая работая телеграфисткой на Псковском железнодорожном вокзале, передала сообщение в Петроград об отречении Николая второго.

В 1908 году недалеко от входных ворот Вревского кладбища, от которых остался сейчас один столб, была построена каменная церковь на средства вдовы купца Третьякова, в подвале которой была устроена усыпальница семьи. Былая красота этого здания до сих пор прослеживается в руинах. Церковь простояла до 1927 года, когда власти разрешили разобрать ее на кирпич, но демонтаж не удался вследствие его прочности. До наших дней сохранился и каменный большой склеп купцов Андреевых недалеко от руин церкви, украшенный глянцевой коричневой плиткой. Их магазины стояли в центре города. Глава семьи эмигрировал за границу, в городе осталась его жена и в самом красивом склепе – пятилетний сын. Но вот тот зеленый мыс так и притягивает своей неземной аурой, особенно загадочной в послеобеденных лучах жаркого летнего дня. Кладбище это существовало раньше города Луги. Николай Павлючук в своей книге пишет, что в начале пятидесятых годов прошлого века он видел чугунный крест с надписью: «Отцу-полковнику от сына-офицера. 1722 год» и у самого обрыва

была черная мраморная плита с надписью: «Члену «Народной воли» Л.Н.Чернобаеву 1927 год».

Вообще со дня образования города существовало четыре кладбища :Вревское, Польское (Полигонское), Эстонское и Иудейское. Три из них – действующие : Вревское, хоть и в запустении, Полигонское со старыми католическими воротами и Иудейское в лесу у реки напротив Некрасовой Дачи недалеко от Ольгиной Дачи (бывшей Офицерской деревни), где хоронят евреев и татар.

Эстонское кладбище находилось на горе между озером Омчино и бывшей мельницей Штоля, когда-то называвшейся Манчжурией. До революции в Луге жило много эстонских семей, которые переселились сюда из скудных родных земель в шестидесятых года девятнадцатого века. Причинами переселения в Лужский уезд послужили хорошие условия, более низкие плата за аренду и цена выкупа земли в частную собственность. Эстонские переселенцы вырубали лес и расчищали порубь, осушали болота. Трудолюбие и упорство их не знало границ. Оседая в окрестностях Пскова и Луги, эстонцы селились в хуторах на территории нынешнего полигона и в центре города между улицами Московской и Загородной (после войны – Петра Баранова). Видимо их было достаточно, о чем говорят открытые костел из красного кирпича и католическое кладбище на полигоне. После обустройства Сергиевского полигона в начале прошлого столетия эти хутора были выселены ближе к озеру Омчино. Отсюда и кладбище, которое было разграблено в семидесятых годах прошлого века. Сегодня о нем напоминают мохом заросшие могильные ямы с разбросанными останками камней. Вот и наш хутор на Рабочей улице Мины Карловны Мюрк, первой жены брата моего деда, перекочевал видимо с полигона. Это был бывший Юрьевский переулок. Меридиональные улицы железнодорожной части города были названы в честь губернских городов. А широтные, идущие с востока на запад, - в честь уездных. Юрьев Ливонский, позднее просто Юрьев – это древнее название Тарту (теперь Эстония). Дом, где я родилась, был построен в числе трех домов хутора в 1905 году . Все три дома: барский, холопский в перестроенном виде и конюшни живы до сих пор.

На углу проспекта Кирова и улицы Загородной (теперь Баранова) стояла лютеранская деревянная церковь – кирха, а рядом эстонские школа и клуб. Перед входом в кирху была небольшая открытая площадка с высокими

кленами, куда на Пасху и Рождество съезжалось много народу из деревень и хуторов. Клены в том месте стоят пор и в солнечные осенние дни радуют свои золотым нарядом. В начале тридцатых годов прошлого века школа с пятью классными комнатами стала семилетней. Дети из деревень – учащиеся школы жили в небольшом интернате при клубе. Здесь ставились спектакли и вечера к праздникам, пьесы и стихи к которым писал учитель русского и эстонского языков и литературы Фердинанд Карлович Климберг. Все у них было, пока не пришли к власти большевики. Советская власть взяла курс на защиту лентяев, а зажиточных крестьян под разные лозунги стала беспощадно ликвидировать. В 1934-35 годах большинство лужских эстонцев были раскулачены и сосланы. Климберг и другие учителя были арестованы в феврале 1938 года и признаны врагами народа. Школа перестала существовать, церковь и клуб закрылись. Учитель Климберг, директор школы Хельма Вессарт и учитель Оскар Сааме были расстреляны в числе пятидесяти приговоренных к высшей мере, как эстонские шпионы. Под расстрельную статью попадали целые семьи, в основном, мужская их часть...

Польское кладбище отождествляют с нынешним Полигонским, о чем говорят сохранившиеся католические ворота и множество польских фамилий на старых памятниках. До войны православных, видимо, хоронили в основном на Вревке. В годы оккупации же на этом погосте нашли свое пристанище тысячи военнопленных и мирных жителей города, которых хоронили в одном огромном откопанном котловане. Поэтому в послевоенные годы здесь стали хоронить и православных. Сюда же с Городского сада перенесли могилы партизан и Тоси Петровой.

На огромное поле у дороги с левой стороны после Полигонского кладбища после войны перенесли останки немецких офицеров, захороненных в городском саду Луги во время оккупации. В 20-х годах прошлого века здесь находился воинский ипподром, куда лужане семьями ходили на праздничные гулянья. Судя по воспоминаниям лужанина Леопольда Шейндлина, по кольцу ипподрома проводились скачки, а посередине было футбольное поле, где проходили игры военных команд. Все праздники здесь открывали военные духовые оркестры. Один из них был верхом на лошадях, которые пританцовывали под музыкантами. Скачки были с препятствиями, кавалеристы рубили шашками лозу. Заканчивались праздники разнообразными играми и аттракционами с призами. Были там и огромные качели, на которые садились до десяти человек, и солдаты

раскачивали их... На этом месте теперь стоят военные ангары и постройки слева от дороги на ЦАОК.

Судя по воспоминаниям старожилов еврейское кладбище когда-то находилось за чертой города в селении Темные Ворота. После строительства Сергиевского полигона оно было, по-видимому, перенесено за Ольгину Дачу. Даты на памятниках там можно прочесть, начиная с 1903 года. Сегодня это кладбище заброшено и разбито, и только на его окраинах видны новые татарские захоронения. Еврейский молитвенный дом на карте города начала прошлого века находился на ул.Пески (Красной Артиллерии) № 19.

До войны

Судя по дореволюционным фотографиям , наш город был очень милой дачной столицей на юге области. На фоне его обширной зелени, хвойных лесов и водных артерий радовали глаз купеческие деревянные дома с мезонинами по обоим сторонам строгих улиц Никольской, Покровской и Успенской.

Из первых дач в Луге внимание привлекает деревянная постройка Ларисы Леонидовны Боровик между улицами Большой Маркизской (ныне – Красноармейской) и Тверской (сейчас – Гагарина), выходящей на Белозерский переулок. Сохранились фото большого дома с прекрасной архитектурой, недаром он стал местом притяжения многих известных фамилий. По воспоминаниям, на крыльце всегда играло много ребятни из многочисленных родственников. А встречал всех залихватским лаем Ларисин мопс. Теперь на этом месте пустырь, и лишь высокие деревья напоминают о былом.

В начале прошлого века появились каменные здания в стиле Модерн с неповторимой архитектурой. Одним из них является здание кинотеатра Смена, которое сохранилось до сих пор с современной пристройкой. Торговое и промышленное значение в те годы было незначительным. Заводы: стекольный, пивоваренные, дегтярные, кожевенные, а также лесопильни и маслобойни были вынесены в окрестности города. Зато в Луге находились: городское трехклассное училище (ныне школа № 2), женская гимназия (детский сад № 2), приходское училище, церковно-приходская школа (сейчас на этом месте – пирожковая), гимназия Фон Мерс .

В 1910 году за железной дорогой на даче каноника Антония Малецкого (Апостольского администратора католических приходов Ленинграда) был открыт комплекс-санаторий для лечения туберкулезных и рахитичных детей. На широкой территории Рижского переуллка вырос загородный дачный поселок «Владиславовка», состоящий из небольших домиков, хозяйственных построек, часовни и игровых площадей. Курс лечения проходили здесь воспитанники ремесленных мастерских на Песках в Санкт-Петербурге от двух до четырнадцати лет. Заботились о детях монахини тайного ордена под руководством кузины Малецкого – Павлы. До войны по воспоминаниям Шейндлина в районе Нижегородской улицы и Гатчинского переуллка еще стояло деревянное здание начальной школы под номером четыре. Предполагаю, что это были остатки зданий санатория Малецкого. Мое детство прошло именно в тех краях в начале шестидесятых годов, когда «Владиславицы» напоминал только сосновый парк и высокая горка. Только вместо часовни наверху горки стояла деревянная беседка. Парк, по счастью, сохранился до сих пор. А благотворительная программа Малецкого в Луге продолжается. Рядом с костелом по Ленинградской улице стоит высокое розовое здание «Каритас» для помощи детям в трудной жизненной ситуации.

Школы в тридцатых годах были разбросаны по городу в соответствии с назначением классов. Например, в помещении бывшего реального училища (сейчас школа № 2, где я училась) находился кабинет естествознания с образцами растений, чучелами животных и даже с заспиртованными органами . В деревянном доме № 4 по пр.Володарского была размещена школа с большим залом со сценой для выступлений художественной самодеятельности. Отдельные классы были в Доме Тирана. На месте бывшей Доски Почета на углу пер.Толмачева и пр.Кирова стоял двухэтажный Дом Художественного Воспитания Детей, который будет разрушен во время войны, как и здание вечерней школы рабочей молодежи на ул.Тоси Петровой, где потом находилось ателье. В тридцатых годах прошлого века за железнодорожная и эстонская школы закрылись и были построены новые образцовые школы: за рекой школа № 1 (теперь детский сад), на Советском переуллке (теперь Компьютерный центр) и школа № 8 (теперь № 4).

На горе вдоль теперешней улицы Победы (а тогда – Порховской) в 1891 году появились деревянные постройки земской больницы на два приемных покоя. Длительное время под больничные нужды в Луге

арендовались частные строения. Эта больница долго служила горожанам: в годы войны в ней находился немецкий лазарет, а после – детская больница.

В городе были кинотеатры, летний театр Аграновича на месте седьмого детского сада, любительский театр в имени Штоля, прекрасные сосновые парки и лодочная станция с пристанью в Церковном (ныне Городском) саду. Давались балы в зале Лужского семейного собрания и работала сцена в Городском парке. Только в 1913 году в городе было дано пятьдесят спектаклей, в том числе опера «Евгений Онегин». В 1913 году был построен дом культуры у Лысой горы в районе Средней Заречной улицы дом шестьдесят, необычной формы, сочетающий в себе деревянную и каменную кладку. Зрительный зал с балконом над партером вмещал шестьсот человек, а в фойе можно было перекусить в буфете. На территории большого соснового парка на Лысой горе стояли продуктовые ларьки с мороженым и лимонадом местного производства в маленьких бутылочках. В беседке при танцевальной площадке играл военный духовой оркестр из танкового городка. Был открыт пневматический тир. Имелась эстрада, на которой кроме артистов местной самодеятельности приезжали артисты из Ленинграда и Москвы, для которых за рекой снимались дачи. Дом культуры сгорит от первых немецких бомбежек летом сорок первого года, а сосны будут спилены для устройства площадки под зенитные установки для обороны города.

И совсем недалеко на 5-ой Заречной улице в 1934 году была приобретена дача Софьей Петровной, упомянутой выше. Этот домик, с круглой верандой и хозяйственными постройками во дворе, сохранился до сих пор. Ее предки служили священниками Петровского погоста на Черемнецком озере, а прадед – священник Божеский был иереем в церкви деревни Голубково. Отец – Алексей Петрович служил священником при церкви в Суйде. Дачный домик Преображенской был скромным в три комнаты, с кухней, верандой и мансардой. При доме сад в 25 соток и огород. Софья Петровна сама доила корову, дававшую до 20 литров молока в день. Купаться ходили на пляж у нынешнего пешеходного моста на ул. Петра Баранова. Напротив пляжа, на левом берегу реки, находилась дача близкого друга певицы и партнера по сцене Ленинградского театра оперы и балета Павла Захаровича Андреева. Это был завсегдатый концертных залов и оперных сцен Москвы и Ленинграда, а также – нашего городка. До закрытия в 1936 году Воскресенского собора проживавший на даче Павел Захарович

пел в приходском хоре совместно с Софьей Петровной Преображенской. Андреевская дача выделялась розовыми стенами с мезонином и узорчатой резьбой наличников и входных крылец. Она была сметена с лица земли прямым попаданием немецкой авиацией в тот же день, что и дом культуры на Лысой горе.

Софья Петровна была верующим человеком. Крестила всех своих детей и детей соседки, а Андреев был крестным отцом ее сына. Во время оккупации немцы разместили в ее доме комендатуру лужского лагеря военнопленных. Эта соседка – кума спасла дачу Преображенской во время бегства врага из Луги, когда горела вся заречная часть. Она умолила немцев не сжигать ее.

Дочь певицы - Надежда Николаевна с 1954 года работала директором Лужской фельдшерско-акушерской школы, а затем организовала и около двадцати лет проработала главным врачом Лужского дома ребенка.

После закрытия театра Ограновича в городе открывается театр «Летний сад Спартак» на месте сегодняшнего привокзального парка. Это была открытая сцена, примыкающая к строениям железнодорожного клуба «Спартак». Правда, гудки паровозов часто мешали артистам и зрителям. Зал со скамейками на пятьсот зрителей был обнесен деревянным забором высотой в человеческий рост. Летний сезон с выступлениями театральных знаменитостей, некоторые из которых снимали дачи в Луге и окрестностях, продолжался с мая по октябрь. Колоссальным успехом пользовались Утесов, Райкин, а также знаменитый тенор Мариинского театра Николай Печковский, дача которого находилась на станции Карташевская. Оказавшись в 1941 году с больной матерью на оккупированной территории, он давал концерты в Екатерининской церкви с аккомпаниатором Игорем Решетниковым - сыном бургомистра Леонида Решетникова – известного в городе довоенного адвоката. Игорь впоследствии станет во главе Ягд-команды лжепартизан в Лужском районе и Псковской области. После войны Печковского арестовали и осудили на несколько лет в Соловки...

Великолепные здания, которые мы потеряли безвозвратно в годы Великой Отечественной войны, смотрят со старых открыток.

Это, конечно, железнодорожный вокзал – самый грандиозный на Варшавской железной дороге. Он напоминал какой-то старинный замок с необыкновенной архитектурой. Построен вокзал был в связи со строительством Сергиевского полигона, которому придавалось большое значение. На вокзале были даже царские комнаты, так как Николай второй посещал военные учения. Перрон частично был закрытым с платформой на высоких чугунных столбах, а напротив вдоль железнодорожных путей стояло здание депо. Обращенная к городу сторона имела два подъезда: Ленинградский и Варшавский с шатровыми крыльцами в виде теремов, украшенных ажурной каменной резьбой. Карнизы окон и проемы между ними были украшены замысловатыми лепными украшениями. На площади перед вокзалом, вымощенной каменной брусчаткой, находились пять-шесть конных упряжек с рессорными экипажами.

На перекрестке теперешних проспекта Володарского и улицы Дзержинского когда-то красовалось трехэтажное здание земской управы – дом Тирана, в котором также находились другие учреждения и кинотеатр.

Отдельно хочется сказать о здании почты на месте нынешнего узла связи. Вся деловая жизнь города крутилась тогда вокруг почтовой станции: ремонт личных экипажей, придорожная торговля, предоставление ночлега и питания проезжающим. Почта в России на тот момент имела очень большое значение. Фасадом почтовая станция с громадными венецианскими окнами была обращена к Воскресенскому собору и в то время (1841 год) она была видна почти от самого въезда в город. Благодаря использованию стрельчатых арок в оконных нишах, здание напоминало готические постройки, а плоское завершение башни главного корпуса заимствовано из храмового зодчества Древнего Египта. Своим правым крылом здание упиралось в обширную базарную площадь с пожарным депо и деревянную каланчою. По бокам почтового двора тянулись флигели, в которых размещались конюшни, каретники и другие службы. Станционный смотритель носил форменную одежду. Ведь через Лугу неоднократно проезжали крупные чиновники, губернаторы и даже венценосные особы. Александр Сергеевич Пушкин бывал здесь неоднократно, а его тело после дуэли тоже везли через наш город...

Ну и конечно наш северный Версаль – усадьба графа Половцева в Рапти на месте сегодняшних графских развалин в поселке Дзержинского,-

одна из самых богатых в окрестностях Санкт-Петербурга. Усадебный комплекс в стиле регентства 18-го века был возведен на берегу живописного Черемнецкого озера, от которого к дворцу поднимались террасы с водными и зелеными партерами, были устроены каналы и мостики через них. На берегу была устроена пристань, с которой пролегал водный путь по озеру к Черемнецкому монастырю, где находилась усыпальницы матушки графа. Блюда подавались через подземный ход из кухни, устроенной в двухэтажном здании (сейчас оно доживает свои дни). Для охотничьих забав здесь разводились фазаны, на рынки столицы отправлялись ландыши с местных плантаций, пятьдесят десятин занимали плодовый сад и пасека. Здание оранжереи сохранилось до сих пор. В феврале 1944 года перед своим уходом дворец был взорван фашистами. Единственная сохранившаяся мраморная статуя Гебы вписалась в усадьбу Г.А.Львова (ныне дом отдыха «Боровое»), находившуюся на другом берегу Черемнецкого озера. Львов был крупным финансовым деятелем и промышленником, для отдыха которому нужна была загородная резиденция. За короткое время крутой береговой откос, покрытый соснами, был отделан широкими уступами, врезанным в бор, который служил парком. На средней площадке был построен каменный дом в стиле неоклассицизма. На открытых террасах с потрясающими видами на Черемнецкое озеро устраивались обеды и приемы. По лесной дороге можно пройти в деревню Марусина Дача, которую когда-то подарил Львов своей зазнобе – девушке Марусе. После смерти Львова имение было продано, и часть средств была перечислена в благотворительный фонд Общество русских врачей.

На Лангиной горе на повороте на Медведь с целью организации загородного интерната было построено реальное училище Принца Ольденбургского. Город обзавелся средним учебным заведением. Здесь возвели корпус для детей младшего возраста в комплексе с отдельным зданием детского сада, музыкального зала, бельевой и музея. В глубине парка отвели место для воспитанников старшего возраста, лазарета, бани, мастерских. Место под училищную церковь выбрали справа у дороги на южном въезде в город. Храм освятили 20 мая 1904г. во имя Св.равноапостольской княгини Ольги. Это было деревянное строение шатровой архитектуры светлого-зеленого цвета с декоративным убранством в русском национальном стиле. Особенно изящной выглядела звонница, решенная по типу беседки с пояском из кокошников.

После революции на территории реального училища основали новое учебное заведение Луги – педагогический техникум, дом отдыха Ленпромкассы с танцевальной площадкой и пионерский лагерь. А в Ольгинскую церковь перевели богатейшую музейную коллекцию бывшего реального училища. Во время войны все здания училища были разрушены. В послевоенные годы на территории парка проходили сельскохозяйственные выставки. Здание храма без колокольни и церковного шатра простояло до 1960-х годов. Сегодня от него сохранилась лишь цокольная часть.

Еще Николай Андреевич Павлючук пишет про планерное поле, находившегося в ведении Лужского отделения всесоюзного общества Осоавиахим. Это по левому берегу реки Луги, где она делает поворот на девяносто градусов до самых Бордовских хуторов (ныне деревня Черемушки). Планерный клуб в городе был основан в 1934 году для занятий планерным и парашютным спортом. Инструктора проводили здесь занятия с энтузиастами из молодых ребят и девушек по самолетовождению. До поздней осени на поле раздавался рев авиационного мотора, поднимающего в воздух на планере (самолетике У-2) любителей острых ощущений. В июне тридцать шестого года председатель общества Николай Гурьев со своим заместителем, поднявшись в воздух на самолете У-2, направились в сторону Пскова и были сбиты на советско-эстонской границе. Тогда это поле закрыли для самолетов.

Это Луга, которую мы потеряли.

Напоминанием о прошлом, к большому счастью, остались Воскресенский собор и Екатерининская церковь, здания бывшего городского училища (ныне – школа № 2), бывший гостиный двор (сейчас – гостиница Луга) и дом бывшего городского управления и банка. Бесконечно радует глаз дом дворянки Анны Петровны Ильиной на улице Тоси Петровой, правда уже без балконов и некоторых украшений. Но и сейчас он выделяется своей неповторимой архитектурой и оригинальностью. Легенда гласит, что строящий его подрядчик повесился в день открытия, не получив согласия на брак с дочерью хозяйки. Дом имел статус дачного строения и подолгу пустовал, так как Ильина жила в основном за границей и в Петербурге. После революции – это училище связи, после войны – фельдшерско-акушерская школа. А потом – дом ребенка. Выжил дом бывшей Мариинской женской гимназии на проспекте Володарского,

отведенный под детский сад. И конечно, здание католического костела на проспекте Урицкого, пережившее революцию и войны, репрессии духовных служителей и варварскую эксплуатацию под спортивный и танцевальный залы.

А сколько знаменитых людей творили на лужской земле свои шедевры ? Известный художник И.И.Шишкин писал лесные пейзажи под впечатлением природы в окрестностях Ильжо и станции Преображенской (ныне Толмачево). Был в этих местах и живописец И.Н.Крамской. Салтыков-Щедрин заканчивал здесь «Пошехонскую старину», композитор Римский-Корсаков – «Снегурочку». Луга летом была особенно прекрасна и потому стала дачной столицей, ее еще называли «Северный Крым». Снимали дачи в городе писатели Шишков и Мережковский, Чуковский и Некрасов, знаменитый на весь мир певец Шаляпин. На Покровской улице (ныне проспект Кирова 14-16) проживал известный русский писатель А.А.Тихонов-Луговой. Флигель его двора до сих пор стоит, как отдельное строение. Он очень любил наш город и писал: «Милая моя, дорогая Луга, я люблю тебя ! Сколько дорогих душевных переживаний связано у меня с месяцами и годами, когда я временно поселялся на твоих тихих улицах, под ветвями твоих вечно зеленых сосен, живя как отшельник в «населенной пустыне»! Сколько радостного труда, большого, творческого, всегда было соединено у меня с этой жизнью в так называемой «глуши». И сколько светлых мечтаний ! За это, может быть, больше всего люблю тебя, хорошая моя Луга !».

Нельзя обойти стороной и Георгия Никитича Куренкова, художника и учителя. Родился он в 1891 году, детство и юность провел в Петербурге, был вольнослушателем Академии художеств у В.Е.Маковского. Его подруга А.П.Шнейдер преподавала акварельную живопись в знаменитой Императорской Светелке - отделении школы Народных Искусств в Луге под покровительством императрицы. Жена – М.А.Сулина из лужан, чья усадьба находилась на месте нынешнего пятиэтажного жилого дома номер 22 по проспекту Кирова. Дом Куренковых по адресу Петергофский переулок, 20 с большой светлой мастерской на втором этаже был достроен в 1924 году. В конце 20-х – начале 30-х годов это был центр творческой жизни города, куда приезжали знаменитые художники и поэты того времени. В 1934 году, когда соседи Куренковых стали писать доносы, напоминая органам про их купеческие корни, семья вынуждена была продать дом и переехать в свою

ленинградскую квартиру. Во время войны этот обширный дом с дивными розами в саду, которыми любовался еще Шаляпин, немцы захватили под штаб, выселив хозяев в баню. Ввиду того, что при отступлении немцы долго грузили картины Куренкова для вывоза в Германию и громадный сад не дал перекинуться огню с других строений, когда вся Луга горела, усадьба сохранилась до наших дней. Судьба увезенных картин так и осталась неизвестной. Со слов внучки художника И.Л.Куренковой это были огромные полотна с фантастическими пейзажами, параллельными мирами и неведомыми землями. В конце жизни Георгий Никитович жил в деревне Ящера близ поселка Толмачево и продолжал писать пейзажи. Часть из них хранится в Лужском музее.

Здание современного краеведческого музея сегодня – единственное сохранившееся на бывшей улице Пески (ныне - Красной Артиллерии). Перед ним была когда-то площадь и построены казармы для военных на месте теперешних панельных пятиэтажек. Весь участок от краеведческого музея между улицей Пески и рекой Луга был отведен для бригадных казарм, артиллерийских сараев, порохового погреба, конюшни и прочих 24-ой артбригады. Закладная доска этого строительства имеет дату 23 апреля 1894г. Первоочередной комплекс казарм строился в деревянном исполнении. Строительство бригадного комплекса было завершено в 1903 году. Гарнизоны уже имели каменные здания и Покровскую полковую церковь, проект которой лично утвердил Николай П. По этому же проекту построили храм Каспийского полка в Петергофе и Александро-Невский храм в Пскове (восстановленный в 1995 году). Церковь Покрова Пресвятой Богородицы освятили 1 октября 1904г. Священником был назначен Федор Федорович Забелин, прошедший вместе с 24-ой бригадой Первую мировую войну. В 1942г фашисты вывезли его в Гатчину, где служил настоятелем Павловского собора. В годы оккупации Забелин спас советского разведчика, и поэтому избежал ареста после освобождения Гатчины. На старых фото рядом с церковью видна пушка . когда-то вместе с лошадью и солдатом она упала в пропасть, но зацепилась за дерево. Орудие вытащили с помощью целой роты. 9-фунтовое орудие стояло на гранитном постаменте с надписью «1877-1878». До наших дней она не сохранилась. Но осталось каменное здание офицерского собрания (сейчас – магазин Пятерочка), двухэтажное кирпичное здание казарм (ныне жилой дом), здание манежа (

использовался под хоз.нужды 6-ой школы)и пороховые погреба (теперь-жилые дома на ул.Луговой в Офицерской деревне).

До 1930 года большое футбольное поле находилось на стадионе за железной дорогой вдоль улицы Свободы (с левой стороны улицы если идти на полигон). Стадион простирался от Киевской до Нижегородской улиц, перекрывая Смоленскую. Кроме футбольного поля там были баскетбольные и волейбольные площадки, а по периметру опоясывала гаревая дорожка. Футбол был очень популярным в городе, эти команды имели коллективы железнодорожников и пожарных. Каждый год 2 мая в Луге открывался футбольный сезон, приезжали ленинградские команды заводов Красный треугольник и Красный Выборжец. Судьей лужских футболистов был Г.Н. Куренков, художник и школьный учитель, о котором я уже упоминала. На стадионе всегда было оживленно, в перерывах между таймами играл духовой оркестр. Вход был платным.

В 1937 году во время страшного гонения на духовенство с Воскресенского собора и Екатерининской церкви были сброшены колокола и кресты, всех священнослужителей репрессировали, многих из них расстреляли. В Церковном (ныне – Городском) саду, в юго-восточной его части, в сороковые годы была построена танцевальная площадка с дощатым покрытием , отполированным сотнями ног. Голубым грибком возвышался над ней летний ресторан, а к реке спускалась лестница. В центре города можно было взять напрокат лодку и отправиться с девушкой в водное путешествие по реке, лицезрея живописные берега. В 1938 гоу знаменитая тогда Клавдия Шульженко репетировала свой концерт прямо на берегу с Владимиром Коралли, аккомпанирующем ей на вынесенном из собора рояле. Концерты устраивались и в зале Лужского семейного собрания в доме Янсона (сейчас это дом № 1 по проспекту Володарского).

Часть построек города, примыкавшая к реке от лесопильного завода на ее повороте (сейчас там стоят спортивные тренажеры) до пешеходного мостика на улице Кингисеппа (тогда «Красный мост») именовалась Быковой деревней, в простонародье – Быковкой. В ней проживали рабочие лесопилки, а в 1925 году снимали эпизоды фильма «Закройщик из Торжка» с Ильинским в главной роли. Купец Быков построил первую в Луге общественную баню. А в 70-х годах девятнадцатого века его сын разместил на Базарной площади здание товарной биржи. Здесь заключали следки

купцы, а в подвалах хранился товар. Во время войны немцы устроили здесь отделение Гестапо. 12 февраля 1944 года первый в городе красный флаг был установлен на крыше этого дома. А в послевоенное время и до сих пор реконструированное здание служит как музыкальная школа.

Отдельно хочется упомянуть о значимом месте нашего города «Императорской Светелке», находящейся у запруды ручья Калининского. Побывав в этом живописном месте после маневров на лужском полигоне, царская чета, гуляя вдоль озера Омчино вышла к Теплому ручью и очень очаровалась этими местами. В 1913 году жена действительного статского советника Е.П.Шестакова в знак выздоровления цесаревича просит принять в дар участок земли в Луге с находящейся на нем оборудованной всем необходимым усадьбой для организации детского приюта. С севера этот участок был ограничен берегом Теплого ручья с запрудой, устроенной к 1910 году инженером М.Н.Колянковским для нужд его завода и мельницы. С востока «Светелка» граничила с участком полковницы Целебеевой. К западу граница проходила с участками отца и сына Штолей – владельцев нескольких домов и бывшей мельницы на берегу озера Омчино. В «Светелке» был организован филиал Школы Народного Искусства. Во время Первой мировой войны Луга превратилась в крупную тыловую базу Северо-Западного фронта. В сентябре 1914 года рядом с железнодорожным вокзалом был развернут первый в России пересылочный госпиталь. Один из лазаретов был открыт и в «Императорской Светелке» - там за ранеными ухаживали воспитанницы этой школы. Неоднократно инкогнито посещали его и императрица с дочерьми под видом сестер милосердия. После революции в лужской «Светелке» располагался детский дом, и даже детский сад, куда перед войной водили мою маму. Во время оккупации здесь существовал сиротский приют, организованный Владимиром Георгиевичем Малининым. За помощью сиротам по бытовым нуждам он, естественно, обращался к немецким властям, за что после войны был отстранен от педагогической работы. За его сына Георгия впоследствии вышла подруга моей мамы, их дом на улице Новой, приобретенный в 1912 году с огромной садовой территорией, стоит до сих пор. Я летом прихожу туда уже в гости к жене внука. На старых деревянных ставнях угадываются детские надписи карандашом начала прошлого века. После войны от ареста спас Владимира Георгиевича друг по Халхин-Голу Георгий Жуков, приехавший на лужский полигон. В Светелке тогда жили сироты, чьи родители погибли в войну -

угрюмые дети в одинаковой одежде. Бабушка часто их зазывала с собой огород, одаривая горохом, морковью и ягодами. Потом здесь открыли специальную коррекционную школу. Сегодня, к великому сожалению, здания этого не существует. Оно сгорело в 1988 году. На этом месте сегодня установлен памятный крест. Деревянный красивый дом дворянки Шестаковой был расположен на противоположном берегу Теплого ручья и соединен с противоположным берегом красивым ажурным мостиком, который я еще застала в своем детстве. Во время войны это здание использовалось оккупантами как кухня. Семья моей бабушки жила в те дни напротив, и моя маленькая мама ходила туда с котелком за обедом к повару Вальтеру. Окончательно убитый нелегальными цыганами этот дом был снесен несколько лет назад.

На въезде в город по железной дороге в темном дремучем ельнике выделялось своей вычурной архитектурой дача Полубояринова. Это деревянное строение с балконами и мезонинами когда-то принадлежало внуку адмирала Траверсе – маркизу Николаю Александровичу. Ведущие к его имению две улицы Луги за железной дорогой были названы Большая Маркизская (ныне Красноармейская) и Малая Маркизская (ныне Горная) по правому берегу реки Наплотинки. В конце 1870-х годов Н.А.Траверсе открывает при имени хрустально-посудное производство. В начале двадцатого века усадьба перешла к полковнику Д.Д.Полубояринову. Его вдова – купчиха 1-й гильдии – активистка Черной Сотни, председатель Союза Русского Народа, расстрелянная в 1919 году, строит новый особняк подальше к северу на пологом лесистом холме. Усадебный дом имел шатровую крышу, увенчанную фонариков бельведер, за что был схож с небольшой церквушкой. В этом сказочном тереме после революции открыли детский санаторий Нагорное. Дом-дворец пережил войну и был бездумно разобран в начале 70-х годов. Его последний вид сохранился на картине Я.Я.Львова, написанной в 1970 году.

Большевики рушили церкви, но облик города оставался, утопая в буйной зелени деревьев и лугов. Все нарушила война...

В оккупации

Только теперь мы понимаем, как важны были эти сорок пять дней обороны города, когда срочно укреплялись подступы к Ленинграду. Не знаю, остался ли кто-то в живых из этих героев-защитников. Наверное, единицы. Среди них были и добровольцы из Ленинграда и совсем юные курсанты. Они стояли до конца, когда Луга была врагом в кольцо. И 24 августа немцы вошли в город.

1 сентября 1941 года пересыльный лагерь Дулаг 320 и группа тайной полевой полиции прибыли в Лугу. Этот лагерь по их подсчетам мог разместить до 10000 пленных. Уже 17 сентября в нем находилось 11000 пленных и ожидалось еще 4000, большинство из которых вынуждены были оставаться на улице и проводить ночь под открытым небом. Первое время, до оборудования основного спецлагеря в заречной части города, пленные размещались в нескольких местах города : в огромном двухэтажном деревянном здании бывшего общежития школы ФЗУ связи на проспекте Урицкого, за железной дорогой на территории Тигельного завода в помещениях артели «Промкати», в здании шерсто-валяльной фабрики и в помещениях бывшего городского дома культуры на Лысой горе. Помещения городской тюрьмы были отведены под размещение в них офицерского состава пленных, которых после недолгого в них пребывания отправляли на запад - в спецлагеря для командного состава. В конце сентября бараки для заключенных только начали строить. Территория в районе Лысой горы почти до самого берега реки была окружена колючей проволокой с пулеметными вышками на углах. На целый день, пока велось строительство, пленных выгоняли на бывшее футбольное поле(сегодняшней стадион). Совсем рядом, на возвышении за цепью охраны проходила дорога, и городские жители видели лагерь, как на ладони. Вся поверхность поля была утрамбована песком, травы не было. У реки была устроена ничем не огороженная уборная – яма с досками поперек. Сидеть и лежать было негде, от частых дождей земля была сырая, и несчастные люди весь день топтались на небольшой территории. Когда пригревало солнце, в шинелях было жарко, мучала жажда, но пить здесь не давали. Добытую картошку негде было сварить, и иногда варили ее в моче. На обед, который представлял из себя поллитра жидкой баланды, пленных уводили на Лысую гору. Утром и вечером – эрзац-кофе и кусочек хлеба с опилками. Люди уподоблялись животным, когда сердобольные женщины бросали им хлеб. Они бросались

на него, как птицы, вырывали друг у друга, затапывали... Некоторые красноармейцы, попавшие в плен в одних гимнастерках, оставались без теплой одежды, у других при входе в лагерь снимали неизношенные гимнастерки, галифе и обувь. Ночью любое движение было запрещено, ложились туда, на чем стояли, бывало – и в лужи. Холод и голод быстро добивал физически и морально измученных людей. Выживали немногие... Убыль от смертности в таких нечеловеческих условиях с лихвой восполнялась свежими партиями советских воинов, захваченных под Ленинградом, Тихвином, Петергофом, и окруженцами, отрезанными на путях отхода наших соединений у Нарвы, Чудова, Любани, Новгорода.

Каждодневно колонны наших военнопленных понуро тянулись на строительные и оборонные работы, а к вечеру возвращались к местам своего обитания. Передача им какой-либо еды со стороны городских жителей тут же жестко пресекалась, виновные избивались смертным боем. От стадиона по улице Заводской, по 4-й Заречной, под Лысой горой до сих пор угадываются остатки красного кирпича на дороге, вымощенной узниками лагеря. В войну ее называли «Кровавой дорогой смерти».

В своей книге «Это было так» Николай Павлючук описывает один эпизод из жизни оккупированной Луги жарким июнем 1942 года. Он лично наблюдал огромную колонну военнопленных во всю ширину проезжей части проспекта Урицкого. Это были бойцы второй ударной армии Волховского фронта, взятые в плен в Мясном Бору под Новгородом вместе с генералом Власовым. Это была длинная людская река горя и унижения. Люди едва переступали ногами от усталости и истощения, а также от жары, так как были обмундированы в зимнюю форму одежды и валенки. Тянулись мужчины и женщины, пехотинцы и артиллеристы, танкисты и медики, поддерживая под руки раненых и ослабевших с почерневшими от крови повязками. Они уже были вычеркнуты из жизни и на своей Родине, ведь «русские в плен не сдаются», а родные считали их пропавшими без вести. Этих пленных разместили за рекой в огромном лагере между проспектом Комсомола и 3-ей Заречной улицей, а также Большой Заречной улицей и речным руслом. Вся эта площадь была обнесена двойным проволочным забором с крытыми вышками по его периметру. Срочно были отстроены бараки земляного профиля с двух ярусными нарами внутри. Через две недели толпу эту рассортировали. Офицерский состав и женщин отправили на запад. Думаю, что выжили из них единицы в тех нечеловеческих условиях плена. Вскоре

перед пленными и всем населением города на ступеньках церкви будет выступать перешедший на вражескую сторону бывший командующий 2-ой ударной армией Андрей Власов, призывая русских в возглавленную им Русскую освободительную армию. Ежедневно узники массами умирали от голода и тяжелого физического труда и упокоивались в глиняных карьерах бывшего кирпичного завода на Лесной улице (теперь улица Дмитриева). До войны эта улица была отстроена только со стороны города. На пересечении ее с 3-ей Заречной на огромной поляне, изрезанной вдоль и поперек глубокими рвами – местами выработки глины находился кирпичный завод. Здесь стояла обжиговая печь с высокой кирпичной трубой два длинных навеса со щепяными крышами на столбах, в который на деревянных настилах просушивался кирпич-сырец, и три дощатых сарайчика. Еще стоял управленческий домик. Для транспортировки в свое время кирпича на полигон для постройки там военных казарм имелась узкоколейная железная дорога, идущая через речку и Санкт-Петербургскую улицу недалеко от костела, а потом – через железнодорожное полотно по лесу на полигон. Рельсы эти можно частично увидеть на нескольких дореволюционных фотографиях...Спустя десяток лет на улицу Дмитриева придут люди с пилами и топорами, срубят подростивший соснячок, разровняют бульдозерами старые глиняные выработки и возведут здесь жилые дома, не считая нужным перезахоронить останки расстрелянных людей и установить в этих местах памятного знака. А ведь погибших в этих ямах порядка десяти-пятнадцати тысяч человек. Вот и находят на своих огородах горожане почти семьдесят лет человеческие кости и черепа в большом количестве, удивляясь страшным находкам. Все лужские леса в пределах города начинены людскими останками и никогда все они не найдут свой последний покой, как положено христианину.

Вследствие больших людских потерь с наступлением холодов и голода, в особенности беженцев, городская управа едва справлялась с большим количеством погибших людей. Гражданских лиц хоронили на бывшем католическом кладбище у первого полигона, заброшенным после революции. В огромный откопанный котлован трупы доставлялись на санях и телегах навалом и скидывались в ямы. Похоже, что вследствие этого католическое полигонское кладбище после войны станет преимущественно православным.

Своих же оккупанты хоронили в черте города, при госпиталях их союзников: испанцев, французов, эстонцев, литовцев. Одно из военных кладбищ находилось по нынешней улице Свободы, где дорога резко сворачивает на второй полигон. Здесь, на огромном поле, утыканном бесчисленными березовыми крестами, производилось захоронение немецких солдат и офицеров, скончавшихся в госпитале первого полигона и его подразделений. На головном огромной высоты кресте в середине перекладины был укреплен метровый нордический крест черного цвета с белым ободком по периметру. А ниже в его основании был закреплен двухлопатный винт боевого самолета. Такое же захоронение с неоглядным частоколом березовых крестов будет организовано слева от дороги после католического польского кладбища. В войну там еще функционировала булыжная мостовая постройки 1904 года – времени основания артиллерийского полигона.

На улице Рабочей (бывшей Юрьевом переулке) рядом в бабушкиным домом вдоль Калинковского ручья у самого края густого ельника стоял большой дом-усадебка в два этажа с остекленными верандами. Когда-то это было главное из трех зданий, построенных эстонской четой Мюрк в начале прошлого века. Здесь и было выбрано место для расстрелов. Рано утром к глинистому обвалу на берегу ручья приходила крытая немецкая фура, из нее выталкивали несчастных арестованных, расстреливали, а затем закапывали в заранее выкопанных огромных ямах. Бабушка была свидетелем расстрела совсем молодой женщины в пальто с большим лисьим воротником – работнице почты, которая вскрывала немецкие посылки и вынимала курево и шоколад, а потом попала на базаре на их продаже . Она сильно сопротивлялась и кричала, что у нее двухлетняя дочь. Моя бабушка, слыша все это, стояла у забора, плакала и молилась. Потом прозвучала автоматная очередь, и в машину проследовали фрицы с лисьим трофеем в руках. Этот случай я прочитала потом в воспоминаниях В.Мотылькова....

Все, что имелось ценного в каждой семье, обменивалось на продукты. Нечистоплотные люди занимались мародерством, ведь многие дома были в спешке покинуты горожанами. К большому сожалению, был разграблен городской краеведческий музей и мы уже никогда не увидим уникальные предметы по истории нашего края. В коллекции музея присутствовал беккеровский красного дерева рояль Римского-Корсакова, писцовая книга времен Удельной Руки из Черемнецкого монастыря, именной указ

императрицы Екатерины Второй об основании города Луги, а также пищали 16-17 веков в серебряной чеканке . Имелись в нем четыре этюда Крамского и Шишкина и живописные картины местного художника М.Оплетаева. Самым удивительным экспонатом были две египетские натуральные мумии в каменных саркофагах. Но все это было безжалостно и безвозвратно разграблено, в том числе, и немецкими оккупантами.

Местной властью были организованы общественно доступные столовые для малоимущих, в основном, беженцев из-под Питера. Открылась богодельня для бездомных и престарелых лиц. Заработали две начальные школы с приходящим батюшкой, в одну из которых ходила моя семилетняя мама. В новых учебниках было много русской классики: Жуковский, Пушкин... Как же объяснить тогда факт взорванной могилы Пушкина в Святогорском монастыре ? Управская баня, обслуживающая население города, была устроена в обширном некогда жилом доме в центре города, близ линии железной дороги Южного парка. Для демонстрации фашистских фильмов был открыт один из кинотеатров.

Русское полицейское управление находилось в центре города на углу Урицкого проспекта и Воскресенского переулка. Это был двухэтажный дом, первый этаж с камерами для заключенных которого был выложен диким валунником. Деревянная надстройка второго этажа являлась следственно-управленческим помещением. Более широкими функциями обладала Служба безопасности или Зихерунг-диенст, находящаяся в кирпичном двухэтажном здании на главной площади города (теперь это музыкальная школа). Дом этот выстроен был еще до революции купцом Кирпичниковым под меблированные комнаты. Перед войной в нем размещалась контора потребительского общества. Фасад здания с полуовальной проходной аркой и балкончиком над ней выходил на старую базарную площадь, вымощенную камнем. Управская полиция работала как осведомительный орган, ее сотрудники носили белую повязку с надписью: штадт-полицай.

Советские военнопленные содержались и на полигоне. Недалеко от озера, там, где потом был стадион у военных, на обширном плоском поле , обнесенным двумя рядами проволочных заграждений и четырьмя сторожевыми вышками по углам, стояло длинное дореволюционное здание из красного кирпича (до войны – гороховый склад). А березовая рощица на взгорке в трехстах метрах от ограждения служила печальным местом

ежедневного расстрела несчастных пленных. Горку эту обегала выложенная камнем булыжная дорога, ведущая к Ванькиному бугру и дальше к Темным Воротам – бывшему стекольному заводу.

Перед уходом лужским эстонцам немецкие власти любезно предложили переселение на родные земли вместе со всем скарбом и даже коровами. На некоторых станциях их кормили горячей едой, тогда, как русских угоняли в Германию в вагонах для скота, без еды и воды.

В начале февраля при массовом угоне населения по улицам ходили поджигательные команды, в основном из прибалтийцев. На крыши деревянных домов они бросали бутылки с зажигательной смесью. Бабушка с двумя маленькими детьми и козой стояла у калитки, а дед, имитируя больного, лежал дома. Страшные часы провела она, вставая на колени, молясь и умоляя поджигателей, и все-таки спасла наш дом.

После освобождения

В своей книге в главе «В освобожденной Луге» корреспондент ТАСС на Ленинградском фронте Павел Лукницкий, ступивший на улицы города 23 февраля 1944 года, делился своими впечатлениями. После ухода немцев трофеев в городе не осталось кроме склада муки да нескольких автомашин. Капитан 367-го артполка, пришедшего с Волховского фронта, рассказал, что перед Лугой в лесу был обнаружен трофейный спирт. Перемерзшие артиллеристы выпили его по полкружки, в результате : шестьдесят из них умерли и семьдесят отравились. Ни в одном бою полк не нес таких потерь. Спирт был отравлен отступавшими немцами.

Один из артдивизионов во главе с командиром Андриевским вступил в Лугу на следующий день после ее взятия. Весь личный состав разместился в четырехэтажном кирпичном доме на Лысой горе. Орудия и всю технику ввели во двор. В этом же доме ночевали и два других подразделения, в том числе санчасть 120-й дивизии. В шесть часов утра 14 февраля произошел гигантский взрыв от мощной мины замедленного действия. Дом поднялся на воздух. От здания уцелел только угол. И весь артдивизион погиб кроме двух человек, случайно оказавшихся в уцелевшей части здания. Большую часть

погибших не удалось откопать, только двадцать человек собрали по кускам. Сложили все в кучу и похоронили. Командир сделал ошибку, сосредоточив всех в одном месте, но люди, просидевшие в болотах, так стремились поспать на полу. Их семьям пришли похоронки: пропал без вести. И только на семьдесят лет победы на горе установили памятник с фамилиями погибших при взрыве, среди которых были три женские. В другой взорвавшемся здании неподалеку напротив руин завода – доме купца Андреева на проспекте Комсомола погибло около ста саперов. От него осталась гигантская воронка в груде разметанного кирпича, перевитых железных балок, изломанных печей.

Луга горела и в одиннадцать вечера 12 февраля, когда наши вступали в нее, и 13-го утром. Повсюду взрывались каменные и бревенчатые дома. Город был сожжен и разрушен наполовину. На домах надписи «Мин нет» и цифровое обозначение саперной части. У взорванного моста на домах читались и другие надписи: «Опасно !Мины !» «Не занимать до 5 марта».От центрального деревянного моста осталась только изуродованная половина и сделан объезд по временному мосту. Везде у домов – полевые кухни, грузовики, фургоны. Вся Луга на минах. С уверенностью можно было селиться только в маленьких деревянных домах, где осталось русское население.

Напротив собора на шоссе стоял автобус-лавка Военторга с торговлей бельем и галантереей. Собор сохранился пустым и изгаженным. Рядом три обсаженные елочками и обложенные кирпичом могилы с цветами из крашеной марли и надписями: «Старший лейтенант Воронов М.С. Полковник Царев Ф.Ю. Майор Козырев». В доме горисполкома его председатель Кустов рассказывал: до войны в Луге было тридцать тысяч жителей, ныне приблизительно восемь-десять. Около пяти тысяч арестованных в разное время расстреляли, замучили в тюрьмах и повесили на улицах города. Массовый угон населения, особенно за пять-шесть дней до отступления, происходил под угрозой расстрела.

Оккупанты полностью разрушили и сожгли здания абразивного завода и Красного Тигеля, все здания больничного комбината, городской поликлиники, дом культуры, краеведческий музей, типографию, хлебозавод и педучилище на Лангиной горе. Взорваны помещения школ и дошкольных учреждений, библиотек и электростанций.

И вокзал... Этот квартал, обнесенный двойной высокой сеткой колючей проволоки был лагерем военнопленных. Внутри – развалины взорванного каменного здания, длинные бараки и остатки столовой. И стоящий в стороне деревянный домик с белым щитом на фронтоне с вывеской «ЛУГА», временно заменяющий здание вокзала. Мама в своих воспоминаниях описывает временный вокзал, как одно грязное помещение со спертым запахом, где люди сидели и лежали прямо на полу. Немцы начали эвакуироваться из города за три недели до вступления наших войск. В последний день они в панике так спешили, что, покидая вокзал, взорвали его вместе со своими тяжело ранеными солдатами, которых не успели вывезти.

После ухода фашистов одно за другим взрывались самые значимые здания в городе : дом отдыха Скороход на берегу озера Омчино с ранеными нашими бойцами в оборудованной там госпитале, гостиница , в которой располагалась хозяйственная комендатура, дом Тирана...

На месте частных деревянных домов за железной дорогой и в заречной части чернели обожженные пожарищами пустыри с раскиданными головешками и ржавой жестью. В центре Луги, где теперь находится площадь Ленина, до войны плотно теснились друг к другу жилые дома, от которых оставались лишь одинокие остовы печей. Отрешенно глядел лишенный куполов Воскресенский собор. Дом Тирана представлял собой развал кирпичных монолитов и осевшие стены в сплетении железных балок. К счастью, сохранились кинотеатр Прогресс (теперь Смена) и бывшая часовая мастерская рядом. Когда-то на ее фасаде висели большие часы с шагающими ножками. Улица Красной Артиллерии (бывшая Пески) почти вся сожжена. От довоенного военкомата на берегу реки не осталось и следа. Вплоть до семидесятых годов военкомат функционировал в здании теперешнего краеведческого музея. Сохранилась и белокаменная дача академика Крылова, в которой при немцах располагалась их комендатура.

Проспект Кирова был в сплошных пустырях. Еще в бытность немцев дома выгорали от непомерного топления печей оккупантами в лютую зиму 42-го года и от ночных бомбардировок нашими самолетами.

Долго в Луге разбирались завалы разрушенных зданий с грудями битого кирпича и кусками рваного железа. Все горожане исполняли свой долг по расчистке этих развалин. Люди вставали в цепочку и передавали друг другу битые камни и кирпичи. На этих работах часто стояли дети вплоть до

младших школьников. Моя мама, рано повзрослев, с восьмилетнего возраста в рваных рукавичках заледеневшими руками работала на разборках разрушенных зданий...

Послесловие

Мое поколение, родившееся уже после войны и не помнящее разрушенных зданий и остовов печей, вырастет на бесконечных рассказах старшего поколения о страшных днях оккупации, о войне, о ее героях и предателях, о той страшной цене, которую заплатила практически каждая семья. На стенах коридоров наших школ будут висеть фотографии и рассказы о юных героях – пионерах и комсомольцах, отдавших свои жизни в те страшные дни, и мы будем писать сочинения об их подвигах.

Я помню, как мы, будучи пионерами ездили в Оредеж и встречались со старенькой мамой Гали Комлевой, пятнадцатилетней связной партизанского отряда, расстрелянной в Васильковичах со своими подругами и пионервожатой Анной Семеновой. Нам покажут место расстрела, и я запомню навсегда ее плачущую маму. А моя мама в 1966 году будет присутствовать в клубе УПП на суде палача этих девочек Василия Долина, которого найдут через двадцать лет после войны.

В начале пятого класса наша учительница Алла Петровна расскажет о гибели своих учеников- старшекласников с Городковской школы – Красавина и Сальникова, которые решили отметить начало учебного года в лесу, бросив неразорвавшийся с войны снаряд в костер. На Лысой горе так же от снаряда времен войны погибнет ученик младших классов Юдин.

Эти отголоски войны еще долго будут преследовать наше поколение. Во дворах стареющие горожане будут делиться своими воспоминаниями о том страшном времени и потерях близких. По асфальтированным улицам нашего города вплоть до восьмидесятых годов будут катить пожилые безногие мужчины на дощечках с колесиками, ветераны без рук, с черной повязкой на лице по потере глаза, слепые и с перекроенными лицами – герои войны...

Многие семьи будут ютиться в бараках и дощатых унылых дворах без элементарных удобств. Это будет нормой, зато какие счастливые и

радостные лица смотрят на нас с фотографий 60-70-х годов. Люди были счастливы, что они уже не голодные, но нет каждодневной угрозы их жизни и что просто нет войны.

В детстве я буду бегать к маме на работу в новое здание узла связи, и только увидев фотографии старой почты, пойму, что мы потеряли. А потом, стоя на развалинах дворца Половцева в Раптях, сквозь призму времени буду представлять этот наш северный Версаль, поражаясь его красоте.

Привычная для нас Луга с целыми микрорайонами блочных пятиэтажек, новым домом культуры и зданием мэрии, неизменной площадью Ленина, знакомым с детства зданием вокзала и вечно закрытый брошенный Воскресенский собор с огромными стаями птиц в городском саду будет восприниматься так, как будто это было всегда. И только по прошествии лет, когда я увидела дореволюционные и довоенные фотографии старой Луги, я поняла, что мы потеряли...

Луга родилась не из рабочего поселка и изначально строилась, как город со своим архитектурным стилем. В начале прошлого века появились прекрасные здания в стиле Модерн. После строительства железной дороги Санкт-Петербург – Варшава наш город становится одной из дачных столиц Санкт-Петербургской губернии. Это место стали называть Лужской Швейцарией, о нем писали: «Луга – это милейший городок и вокруг нее рай земной: рощи, много озер, сосновый воздух». Многие дворянские семьи стали строить здесь родовые гнезда, недаром до 1917 года здесь была треть всех имений Петроградской губернии. Петербуржцы заблаговременно бронировали дачи на все лето. По реке с городской пристани в водное путешествие отправлялись бесчисленные лодочки с дамами под кружевными зонтиками. Какие лица смотрят на нас с фотографий выпускниц Мариинской гимназии. А летний театр Аграновича никогда не пустовал...

Революция и война безжалостно прошли по этому «раю» и ту милую дачную столицу мы потеряли безвозвратно и навсегда. И не только здания и уголки города, но его культуру, воспитание подрастающего поколения, его духовную и творческую среду.

В последние годы город, конечно, расцветает новой современной средой. Радует новая набережная, мосты и парки. Вписался Александр Сергеевич в наш городской сад. И горожане как-то стали трогательнее и

бережливее относиться с нашей природе. Ведь она у нас великолепна и неповторима.

Использованная литература :

1. Очерк «Древняя история Полужья» газета События и комментари.
2. Л.М.Шейдлин «Воспоминания старожила».
3. История Луги. «Императорская светелка». По материалам А.В.Носкова.
4. И.Л.Голубева Статья о художнике Г.Н.Куренкове.
5. Н.А.Павлючук «Это было так».
6. Е.Н.Петров «Рядом со смертью» (воспоминания бывшего военнопленного).
7. П.Н.Лукницкий «Ленинград действует». Глава «В освобожденной Луге».
8. Форум «Лужские эстонцы».
9. Рассказы моей бабушки Беликовой Агафьи Ефимовны про жизнь в оккупированной Луге.
10. Мемуары моей мамы Беликовой Эсфири Александровны о военном детстве.

Осень 2021г – зима 2022г г.Луга.